

УДК 94 (571.1/.5)+323(571.1/.5)

Институт раввина в Сибири: желаемое или действительное?

Л. В. Кальмина

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. Предпринимается попытка разобраться, сформировался ли институт раввина в Сибири, где уже в первой половине XIX в. организационно оформились еврейские религиозные общины.

Ключевые слова: еврейская община, раввин, духовное лицо, право жительства, образовательный ценз.

Казалось бы, нет повода ломать копья: если в Сибири десятилетиями существовали легитимные еврейские общины, многие из которых имели утвержденного губернатором раввина, есть основания говорить об институте раввина. Но не все так однозначно.

Прежде всего определимся с понятием «еврейская община», поскольку оно отсутствует даже в обширном законодательстве о евреях. Вопрос остается дискуссионным. Некоторые исследователи избегают понятия «община», заменяя его словом «колония» – даже на зрелом этапе общинной жизни [16, с. 48, 54, 60]. Другие, напротив, даже в ранние годы еврейского «присутствия» в Сибири классифицируют компактные еврейские поселения как общины, если они имели какие-то структуры общинного управления [3, с. 30].

В официальном порядке общину начинали считать таковой, когда она получала регистрацию. В статье 1308 «Устава духовных дел иностранных исповеданий» 1896 г. издания разъяснялось, что «все евреи, постоянно собирающиеся в ту или другую синагогу или молитвенную школу для совершения обрядов веры и молитв, составляют молитвенное общество той синагоги или школы» [17, с. 359]. Между тем в ряде сибирских городов на протяжении многих лет действовали уже «обросшие» соответствующей инфраструктурой общины, не признанные государством и не имеющие, по выражению булгаковского профессора Преображенского, «фактической бумажки», что делало их не только нелегитимными, но даже как бы несуществующими. Однако, на наш взгляд, регистрация общины означала лишь признание де-юре того, что уже функционировало де-факто. Официальное признание Красноярской молельни (в данном контексте – ядра общины. – Л. К.) произошло через 56 лет после ее открытия, Енисейской – через 55, Ачинской – через 65. Для признания Канского молитвенного дома потребовалось более 70 лет [15, с. 94]. Мы разделяем мнение историков Иркутской еврей-

ской религиозной общины, что и в Иркутске за два десятилетия «до официального разрешения еврейской молельни созрели все элементы общинной жизни» [1, с. 195].

В качестве двух главных признаков существования еврейской общины мы определяем достаточно устойчивую этническую общность в том или ином городе и селении и ярко выраженную потребность идентификации этой общности через религиозные институты [11, с. 237–238]. Раввин, посредник между государством и общиной, был одним из ее «структурных элементов», хотя и не всегда непременно: отсутствие многих традиционных учреждений было характерно для религиозной жизни сибирских евреев. Это объясняется тремя причинами. Первая – неопределенность правового положения евреев в регионе, что создавало затруднения для местной власти в вопросе, что им можно разрешить, а чего позволять не следует. Военный губернатор Забайкальской области М. П. Хорошхин на предложение областного правления еврейским обществам об избрании из своей среды раввина наложил следующую резолюцию: «Не даем ли мы этим право избрать раввина; быть может, и не полагается им раввин?» [5, л. 13]. Вторая причина – сложность соблюдения двух обязательных требований, предъявлявшихся к кандидатуре раввина: обладать правом жительства в Сибири и иметь образовательный ценз, определенный статьей 1083 Устава духовных дел иностранных исповеданий, т. е. закончить курс в раввинском училище, еврейском учительском институте или в общих высшем или среднем учебных заведениях [17, с. 348]. Двух первых в Сибири просто не существовало, а круг двух других был очень ограничен. Наконец, третья причина заключалась в том, что на начальных этапах своего развития общины по бедности просто не имели средств для содержания раввина. А с 1903 г., после циркуляра Министерства внутренних дел «О сионизме и еврейском национальном движении», потенциальные раввины еще должны были пройти проверку на непричастность к сионизму.

Все эти факторы делали проблему формирования сибирского раввината трудно разрешимой. Молитвенные дома в Канске, Ачинске, Енисейске десятилетиями не имели ни раввина, ни помощника, а их обязанности исполняли частные лица. Метрических книг до 1874 г. не велось, а впоследствии записи о рождении или бракосочетании членов общин вели мало-мальски грамотные люди, хотя по Уставу духовных дел на это права не имели [10, с. 52, 53]. В Томской губернии даже в 1913 г. было всего два раввина – в Томске и Мариинске. В остальных городах губернии при наличии молитвенных домов раввинов не было [3, с. 105].

Право жительства в Сибири как приоритетное требование соблюдалось неукоснительно. Выпускнику Житомирского еврейского учительского института А. Виленскому, претендовавшему на должность иркутского раввина, было отказано в баллотировке, поскольку он не имел права въезда в Сибирь [7, л. 1–2]. Военный губернатор Забайкальской области М. И. Эбелов

отказался утвердить избранного Баргузинской еврейской общиной раввина – выпускника Киевского университета дантиста Фальковича, поскольку министр внутренних дел отказал ему в праве жительства в Баргузине. Община обратилась к депутату Государственной Думы Волкову за помощью, который исхлопотал для Фальковича разрешение жить в Баргузине, но только на год, после чего тот был обязан покинуть город [12, с. 112]. В Читинской общине на должность раввина не подходил ни один прихожанин, даже обладающий законным правом жительства в Сибири, поскольку, как отмечено в записях духовного правления общины, в городе «евреев, сколько-нибудь знающих учение своей веры, очень немного, если не сказать – нет совсем». Обязанности ученого еврея (толкователя спорных моментов религиозного учения. – *Л. К.*) исполнял человек, по его собственному признанию, малограмотный, способный «лишь по-русски подписать свою фамилию» [4, л. 12]. Поэтому претендовать на роль раввина он никак не мог: обязательным требованием для занятия должности было хорошее знание русского языка. Длительный период отсутствия раввина пережили Нерчинская и Сретенская общины.

Не надеясь найти подходящего кандидата, соответствующего всем требованиям, общины приписывались к ближайшему раввинату (закон это позволял). В частности, мысовская молельня была передана в ведение верхнеудинского раввина, а красноярский раввин должен был исполнять свои обязанности в Канске, Ачинске и Енисейске. Но часто это причисление носило формальный характер: из-за дальности расстояний раввин физически не мог поспеть всюду, и некоторые религиозные обряды не исполнялись месяцами или исполнялись людьми, не имеющими на это права, а метрические книги велись от случая к случаю.

Сибирская администрация понимала необходимость лица, которое несло бы ответственность за учет еврейского населения. Во-первых, брак, заключенный нераввином, законным не считался; во-вторых, отсутствие метрических книг затрудняло учет еврейского населения для воинского присутствия, которое постоянно подозревало евреев в уклонении от военной службы. Поэтому в ряде случаев власть закрывала глаза на нарушение требования об образовательном цензе и действовала в «изъятие закона», предоставляя возможность отправления религиозных треб и ведения метрических записей людям, имеющим довольно смутное представление о правилах того и другого. Например, в Баргузинской еврейской общине обязанности раввина в течение почти трех десятилетий совершал резник (забойщик скота по еврейским религиозным традициям. – *Л. К.*) [11, с. 251]. Так же обстояло дело и в Николаевске, а в Каинском молитвенном обществе службу вел помощник томского раввина [3, с. 105]. Отстраненный Министерством внутренних дел от должности как не имеющий нужного образования, енисейский раввин К. Шмеркович уже через полтора месяца от этого же министерства получил разрешение баллотироваться на должность красноярского рав-

вина [10, с. 54–55]. Министр внутренних дел Д. А. Толстой специальным отзывом, адресованным генерал-губернатору А. П. Игнатьеву, счел возможным «отнестись снисходительно к случаю выбора иркутскими евреями лица, не вполне соответствующего... статье 1083 (об образовательном цензе. – Л. К.) [8, л. 153].

В начале XX в., с появлением в Сибири евреев с гимназическим и университетским образованием, проблема, казалось, была решена: их образовательный уровень соответствовал предъявляемым требованиям. Однако получившие светское образование, они имели слабое представление о канонах иудаизма. Одно из первых своих писем вновь избранный верхнеудинский раввин Э. Мильштейн, дипломированный зубной врач, адресовал иркутскому раввину С. Бейлину с просьбой разъяснить, в чем, собственно, заключаются его обязанности [9, л. 1]. Однако власть вполне была удовлетворена кандидатурами на должность лидера религиозной общины провизора, дантиста или агронома, поскольку отводила им прежде всего роль «учетчика» еврейского населения.

Недостаток специальной подготовки для исполнения обязанностей богослужения у казенных сибирских раввинов должен был компенсироваться наличием в еврейских обществах раввинов духовных. Поскольку они не были людьми, облеченными доверием государства, и не выполняли необходимых ему функций, утверждения в должности светской властью им не требовалось. Но именно они и были настоящими представителями религиозной общины [14, с. 74]. Однако в Сибири счет таким лицам шел на единицы. После отъезда в отпуск иркутского духовного раввина для разрешения спорного вопроса пришлось приглашать духовного раввина из Харбина: ближе не нашлось [11, с. 293]. В Забайкальской области в 1914 г. был всего один духовный раввин [6, л. 2]. В Западной Сибири общины из-за нехватки денег не могли себе позволить содержать двух раввинов – казенного и духовного, поэтому, к примеру, в Мариинской общине избранный (хотя и не утвержденный) раввином Я-Ш. Голубчик готов был совмещать обе должности [2, с. 198–199]. Обе должности совмещались одним лицом и в Красноярской общине. Поэтому, к примеру, бракоразводные процессы, которые должны были проводиться строго в соответствии с догматами иудаизма, в спорных случаях длились годами.

Таким образом, можно говорить об обоюдной потребности в институте раввината сибирского еврейского общества и власти. Первое нуждалось не только в духовном наставнике в вопросах веры, который обеспечивал общине сплоченность и самосохранение, но и в официальном лице, представлявшем власть в этнически корпоративном сообществе. Обряды, совершенные лицом нераввинского звания, считались недействительными, и выданные ими документы не учитывались ни при поступлении в учебное заведение, ни в суде при доказательстве прав наследства. Вторая нуждалась в раввинах как своего рода канцелярских служащих, ведущих учет еврейского

населения, в первую очередь для несения им воинской повинности. Превращение раввинов фактически в чиновников на государственной службе предъявляло к ним повышенные требования, соблюдение которых в Сибири, куда въезд евреям, за некоторым исключением, воспрещался, было затруднительным. Поэтому многие общины годами не имели раввина, или в должности оказывался человек, не искушенный в обрядах веры.

Возвращаемся к вопросу, прозвучавшему в самом начале: можно ли в ситуации острого «дефицита» духовных лиц иудейского вероисповедания, отсутствия системы их обучения, случайном характере занятия должности неподготовленными людьми, в ряде случаев даже не имеющими права жительства в регионе, говорить о формировании в Сибири института раввината? В свое время мы, охарактеризовав сибирский раввинат как структуру рыхлую и неустойчивую, все же пришли к заключению, что к 1890-м гг. институт состоялся [10, с. 61–62]. К такому мнению пришли и некоторые другие исследователи, отметив материальную возможность окрепших общин содержать раввина [18, с. 21]. Однако по прошествии времени мы пришли к выводу, что институт раввината в Сибири так и остался в стадии становления. Такой же точки зрения придерживается, например, Н. Б. Галашова [2, с. 153]. Разница в наших воззрениях с томским исследователем заключается лишь в том, что, по ее мнению, отсутствие института раввината определило свободное отношение к религии. На наш взгляд, низкий «градус» религиозности сибирских евреев объясняется оторванностью от черты оседлости и невозможностью воспроизвести субкультуру «черты» ввиду запрета въезда евреев в Сибирь. Поэтому общины достаточно спокойно относились к незнанию местными раввинами тонкостей иудаистского учения.

Институт предполагает, прежде всего, систему – устойчивую и самовоспроизводящуюся, чем сибирский раввинат не был. Если сравнить сибирский раввинат с институтом, к примеру, военного губернатора Забайкальской области, то разница налицо. (Мы отдаем себе отчет в некоторой некорректности сравнения. Но, во-первых, «всякое сравнение хромает». А во-вторых, для внесения полной ясности пример очень даже показателен и нагляден.) Во втором случае есть все основания говорить об институте. Существовавшая система подготовки «главных начальников края» не допускала случайности, неопределенности или безвластия. На этой должности закономерно оказывались люди, прошедшие военную подготовку и имевшие опыт гражданского правления [13, с. 60]. Их четко установленное место во всей цепочке властных структур, законодательно оформленный процесс назначения и увольнения, регламентация прав и полномочий позволяют говорить о сложившемся институте. В случае же с раввинатом мы имеем ситуацию «с точностью до наоборот»: неопределенность правового положения сибирского раввина, позволяющего толковать его как в сторону послабления, так и в сторону ужесточения; отсутствие «кадрового обеспечения»; исполнение должности случайными людьми без знаний и полномочий или да-

же вообще отсутствие этого звена общинного управления. Таким образом, говорить об институте раввината в Сибири – весьма проблематично. Непоследовательность власти в оформлении данного института не позволила завершиться начатому процессу. Отдельные элементы созданной конструкции не смогли удержать саму конструкцию и придать ей необходимую устойчивость.

Список литературы

1. *Войтинский В.* Евреи в Иркутске / В. Войтинский, А. Горнштейн. – Иркутск : Изд-во Хоз. Правления Иркут. Еврейск. Молитвен. Дома и Иркут. отдела о-ва распространения просвещения между евреями в России, 1915. – 390 с.
2. *Галашова Н. Б.* Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. – Красноярск : Краснояр. писатель, 2006. – Вып. 10. – 242 с.
3. *Гончаров Ю. М.* Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.) / Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Азбука, 2013. – 174 с.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2403.
5. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 2486.
6. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 5107.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 4869.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 166.
9. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 196. Оп. 1. Д. 4.
10. *Кальмина Л. В.* «Блюститель и толкователь еврейского закона»: сибирский вариант // Страницы истории евреев в Сибири в XIX–XX вв. : сб. стат. / под ред. Я. И. Кофмана. – Красноярск : Кларетианум, 2003. – С. 49–63.
11. *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 г.) / Л. В. Кальмина. – Улан-Удэ : Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. – 423 с.
12. *Кальмина Л. В.* Еврейская община Западного Забайкалья (60-е гг. XIX в. – февр. 1917 г.). / Л. В. Кальмина, Л. В. Курас. – 2-е изд. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 172 с.
13. *Кальмина Л. В.* «Блюститель неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области / Л. В. Кальмина, О. А. Малыгина. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2016. – 184 с.
14. *Мыш М. И.* Руководство к русским законам о евреях / М. И. Мыш. – СПб. : Типо-литограф. М. П. Фроловой, 1904. – 526 с.
15. *Орехова Н. А.* Еврейские общины на территории Енисейской губернии (XIX – начало 30-х гг. XX в.) / Н. А. Орехова, Я. М. Кофман // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. – Красноярск : Краснояр. писатель, 2009. – Вып. 5 (27). – 328 с.
16. *Рабинович В.* Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе // Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 2002. – Вып. 8. – 240 с.
17. Систематический сборник действующих законов о евреях, составленный Роговиным Л. М. – СПб. : Изд. юрид. кн. магазина В. П. Анисимова, 1913. – 487 с.
18. *Ульянова О. С.* Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия) / О. С. Ульянова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2009. – 27 с.

Institution of the Rabbinate: Factual or Not?

L. V. Kalmina

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. The article attempts to find out whether the institution of the rabbinate was developed in Siberia, where Jewish religious communities were already organized in the first half of XIXth century.

Keywords: Jewish Community, Rabbi, ecclesiastic, residence permit, educational qualification.

Кальмина Лилия Владимировна

*доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник*

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

*670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)43-35-51*

e-mail: kalminal@gmail.com

Kalmina Liliya Vladimirovna

*Doctor of Sciences (History), Senior
Research Scientist*

*Institute of Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS*

*6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)43-35-51*

e-mail: kalminal@gmail.com